

polar-fox2010

По дороге чести

книга-игра

Версия текста: 1

Книги-игры и интерактивные рассказы

<https://quest-book.ru>

Отвечайте за слова!

- Позвольте, долго мне еще ждать ответа?! Я хочу знать, с кем имею дело: с честным человеком или с последней собакой, не способной отвечать за свой чересчур громкий лай!

Да... Дело скверно. Однако нужно же ему что-то отвечать! ...Все двадцать семь лет своего разгульного существования я радовался, радовался, что живу в век, когда это гнусное, глупое и нелепое развлечение молодых господ – дуэль - уже кануло в Лету. Я надеялся, что теперь, когда дуэли запрещены и наказуемы, я смогу говорить открыто о людях и их поступках и не буду призываем к ответу... Сколь глупой кажется теперь эта надежда...

Алексей Иванович - человек серьезный, рационалист и практик, и порой мне кажется, что он меня ненавидит. Очевидно, сейчас моя выходка стала последней каплей. Признаться честно, я никогда не понимал сути и смысла этих дуэлей и даже их немного...ну...побаивался что ли... Мое юридическое образование и служба у здешнего адвоката оберегали меня несколько времени от необходимости держать в руках оружие. Кто ж знал, что судьба предоставит мне такой выбор?..

-Отвечайте же!

Я принимаю ваш вызов! — (55)

К сожалению, в силу многих обстоятельств, я вынужден отказаться... Но не смейте считать это признаком слабости! — (37)

2

Горькая правда

-Да, Катя. Я собираюсь. Собираюсь бежать.

-Бежать? Куда? От кого? Ты в опасности?

-Погоди, Катя, дай сказать. Ты, верно, помнишь Алексея Ивановича... и, наверняка, помнишь, что он единственный из всех относился к нам всегда, - я помолчал, - неуважительно. И вот на днях он сам попал в подобную ситуацию. Одна особа, довольно известная и прелестная собою, заявила открыто о некоей связи, что она имела с Алексеем Ивановичем. Я не преминул тут же вставить и свое меткое словцо, о чем сейчас, надобно сказать, жалею...

- Он вызвал тебя? - спросила Катя, медленно опускаясь на кровать. Благо она стояла рядом.

- Да.

- И что же? Неужели ты подвергнешь свою жизнь... Ах, я понимаю, честь, но... Не молчи же...- запричитала Катя.

- Я отказался, - ответил я, стараясь быть хладнокровным, - Сослался на неотложные дела и вот... хотел было уехать незаметно от тебя, но забыл, что даже бутылку без твоего ведома утащить не могу. Вот и правда тебе, Катенька, вот и правда...

- Я - начала она после долгого молчания, - я, кажется, понимаю тебя. Но верно ли? Я не хочу и не буду делать никаких выводов, пока ты не объяснишь мне, о чем ты думал, что чувствовал, как отважился на этот поступок... Давай... давай присядем и ты все расскажешь мне. Как есть.

- Хорошо — (30)

- Извини, мне пора. Поезд отходит... — (18)

3

Здравствуй, новая жизнь!

Остановив первого попавшегося извозчика и, напроочь забыв о вещах и ожидающей дома Кате, я сел в коляску.

- На вокзал!

- Так темно ж уже. А поезд к городу, насколько я помню, лишь утром, - возразил мне извозчик.

- Молчи, дурак! Твое дело везти – так и вези, а не болтай... — (43)

Какие знакомства!

Недолго думая, я направился к дому моего знакомого франта. Имя у него, конечно, было - Евгений Николаевич - но оно не могло передать всей сути его души. Малый он был неплохой, но очень уж важен был для него собственный внешний вид. Хотя, а для кого он не важен?..

- Ба, ба! Какими судьбами! Ну, здравствуй, друг! Проходи! Выпьешь? - нахлынула на меня череда восклицаний и вопросов.

- Нет, нет, нет. Сначала дело, я ведь к тебе не просто так...

- Да ты никогда просто так и не наведишь, - буркнул Евгений,- вечно просишь что-то... Денег не дам! У самого мало...

- Да не за деньгами я! Дуэль у меня завтра. Вот пришел просить тебя быть секундантом.

- Дуэль?! Да когда ж ты успел? С кем?

- Ты его не знаешь.

- Да хоть за что скажи!

- За длинный язык.

- Он оскорбил тебя?

- Нет, я его. Вернее, я просто высказался, а он уже принял это за остроту. Так будешь ты моим секундантом или нет?

- Ты ж знаешь, на меня - он стукнул себя кулаком по груди- ты всегда можешь надеяться! Я вот сейчас пошлю слугу (он у меня умница) все разузнать да договориться с этим твоим. Он мне все передаст, а я, ты знаешь, за твою честь...

Вдруг его лицо озарилось радугой внезапной догадки, и он быстро убежал в кухню.

- Вот, специально для тебя хранил! 1877 год! Десятилетняя выдержка! Ну, что скажешь?..

○ - С удовольствием! Давно хотел запить этот день чем-нибудь крепким. — (20)

○ - Ты с ума сошел! Мне завтра стреляться, ты – мой секундант. И предлагаешь мне пить! – я не мог поверить своим ушам. Поспешно покинув его дом и взяв строгое обещание не пить лишнего (одну бутылку, я знал это, он выпьет точно), я поспешил домой. — (17)

5

Вместе навсегда

- Эх, дурачок! - она обняла меня, - и как ты до сих пор не понял: я за тобой хоть на край света! Буквально за два часа были уложены все вещи, нужные и ненужные. И вот мы сидим в купе лихо мчащегося напрямую в столицу паровоза. Дорога должна была занять около недели - время за которое может произойти столь многое. И это многое произошло.

Так как купе мы делили с пожилой дамой, везшей свою малолетнюю дочь к докторам, я избегал целовать и обнимать Катю у них на виду. А поскольку в купе они сидели почти постоянно, а в тамбуре стояла ужасная вонь, моей спутнице явно не хватало ласки. Ее характер начал заметно портиться: она придиралась к любой мелочи, начиная от неверно застеленной постели и заканчивая неуместным вздохом. И вот на пятый день она выдворила даму в тамбур, закрыла дверь и сказала: «Мне надоело, ты слышишь, надоело сидеть тут с тобой битые сутки. Ты не делаешь ничего решительного, а то, что делаешь, делаешь неверно. Я давно замечала в тебе эту безответственность, халтуру. Везде, - она кричала все громче и громче, - ты, ты не способен на решительные действия! Ты даже честь свою защитить побоялся! И думаешь, что не побоишься защитить меня?! Давай же! Я жду: сделай хоть что-либо стоящее! Прямо сейчас!» Мы условились с ней не вспоминать о дуэли... Она сильно задела меня этими словами, но и ее можно понять... Решительное действие? Какое?

- Поцеловать — (40)
- Ничего не делать — (54)

6

В воздух

Я не убийца! И я не стану подвергать опасности жизнь человека, пусть и врага. Да и какие мы с ним враги? Враги на войне, а мы так, развлекаемся со скуки. Я медленно, но абсолютно уверенно поднимал руку вверх. Чувствую холодный металл курка. Небольшое усилие. И пуля летит в неизвестном направлении. Главное, не в врага. Главное, что моя совесть чиста. Поступил ли я благородно? Наверное, да.

Последнее слово автора:

Но он – нет.

Благородная смерть.

7

Отвернуться от него

Пришел в себя я, уже стоя на коленях в луже грязи перед сенями кабака с саднящим ухом и кровью, безостановочно и горячо текущей из свежеразбитого носа. Кое-как поднявшись, я прислонился к срубам избы и задумался. Вот и прожил я жизнь: бежать сейчас означало бы показать себя не просто бесчестным человеком, но еще и трусом, позорно бегущим от всех проблем в ближайший городок, но и оставаться здесь в этой унижительной, непочтительной и откровенно хамской обстановке не было более сил.

- Ехать на станцию — (38)
- Дать волю чувствам — (59)

8

Прощай, унылая жизнь!

«Терпеть не могу этих поездок по грязным и некрасивым осенним дорогам» - твердил я себе, взбираясь в вагон. Поезд шел до Петербурга, где я намеревался, помирившись с родителями, начать новую, беззаботную жизнь. Дорога занимала около недели. «Да, времени полно» - сказал я, разворачивая газету.

А за советом...

- Катя! Я очень рад тебя видеть. Понимаешь, я...я обязан кое-что рассказать тебе...кое-что очень важное, - я не знал, как начать, как вообще она отреагирует на все это.

- Продолжай, я внимательно слушаю...

- Ты, верно, помнишь Алексея Ивановича... и, наверняка, помнишь, что он единственный из всех относился к нам всегда, - я помолчал, - неуважительно. И вот на днях он сам попал в подобную ситуацию. Одна особа, довольно известная и прелестная собою, заявила открыто о некой связи, что она имела с Алексеем Ивановичем. Я не преминул тут же вставить и свое меткое словцо, о чем сейчас, надобно сказать, жалею...Он вызвал меня, а я как дурак, не думая, согласился. Мне жутко стыдно, Катя, я не знаю, что на меня нашло, но теперь уже отступить поздно...

- Да...- протянула Катя, - ситуация, действительно не из легких.... Понимаешь, ваша ссора... ведь это всего-навсего неудавшаяся шутка с твоей стороны и неуверенность в себе с его. Но вы все это возвели в ранг мировой трагедии с вероятностью летального исхода! Так нельзя. Я более чем уверена, что стоит тебе подойти к нему, извиниться, взять свои слова назад и выпить мировую, как все встанет на свои места. Вы подружитесь и воцарится мир! Я уверена в этом. Если ты просил моего совета, то вот он: мирись, мирись, пока не стало непоправимо поздно...

Слова Кати не разбудили во мне какого-либо прилива доброты и щедрости, но ее словам я доверял всегда, и она, честно-то говоря, всегда оказывалась права. И все же идти к Алексею Ивановичу мне совершенно не хотелось. Как, впрочем, и обижать Катю своим отказом.

Переборов себя, я направился к дому моего противника — (66)

Презрение ли, ненависть ли или банальная нелюбовь к Алексею Ивановичу не позволили мне мириться с ним, и я, сделав вид, что выхожу на улицу, обошел дом и залез в свою комнату через окно. — (17)

10

Место встречи

И вот я уже на пороге этого злачного места, построенного когда-то на руинах приходской школы. Здесь ничего не изменилось: та же стойка и столы, те же группы пьяных и шумных франтов. Я подошел к официанту и заказал столь привычный на вкус бокал красненького.

- Ну надо же кого занесло! И вы здесь?

Сомнений не было: голос сзади принадлежал именно моему будущему противнику.

- Вы не думайте, мы Вам рады, правда, ребята? Кстати, - он подвел меня к их длинному столу, за которым сидело порядка десяти офицеров. - Познакомьтесь: мои секунданты.

Я нервно сглотнул.

- Все сразу?

- Нет, конечно! Только эти двое: вот - Дмитрий Сергеевич и Николай Степаных.

Я быстро взглянул на недоброе, холодно улыбающееся лицо первого и мельком заметил богатырскую ширину плеч второго. «Перестань дрожать! Мы - люди чести, и они не посмеют меня даже пальцем тронуть»- говорил я себе, пусть и не особо веря словам.

- А у вас кто секунданты?

Только не это. Во всех книгах я читал, что секундант выбирается сразу, а я медлю уже второй час.

Кого же выбрать? У меня, конечно, есть верные друзья., которые не откажут, но сознаться в своей рассеянности и незнании правил дуэли...

Показать на любого из них и упросить стать секундантом — (11)

- Я как раз собирался пойти к некоторым своим знакомым. — (29)

11

Кого хочешь выбирай

Я внимательно осмотрел компанию за столом. Помимо названных двух я разглядел там одного молоденького и неопытного как в бою, так и на дуэлях, юношу, двоих уже приближающихся к неминуемой старости, но еще желающих молодиться солдат; четвертый смотрел откровенно насмешливо и создавалось ощущение, что он ждет, когда же я уже опозорюсь, двое были пьяные вусмерть - к ним я не стал даже приглядываться, и наконец, в самом конце стола, напротив одного из сидящих я заметил человека средних лет, возможно, даже младше, но явно опытнее меня. Он смотрел на меня если не с участием, то хотя бы без той толики враждебности, столь присущей людям этого круга.

- Я почел бы за честь, если бы Вы согласились стать моим секундантом. Я вижу в Вас искренность и желание помочь, Вам я могу доверить свою жизнь. Что скажете? — произнес я, радуясь, что мой голос не дрогнул от едва скрывающегося страха перед отказом.

- Я согласен — (63)

12

Попытка не пытка

Быть может, они просто плохо слышат. Я решил подойти к одному из них, самому веселому и задорному, и крикнул ему почти что в ухо: - Прекратите смеяться!

Реакция не заставила себя долго ждать. Пришел в себя я, уже стоя на коленях в луже грязи перед сенями кабака с саднящим ухом и кровью, безостановочно и горячо текущей из свежеразбитого носа. Кое как поднявшись, я прислонился к срубам избы и задумался. Вот и прожил я жизнь: бежать сейчас означало бы показать себя не просто бесчестным человеком, но еще и трусом, позорно бегущем от всех проблем в ближайший городок, но и оставаться здесь в этой унижительной, непочтительной и откровенно хамской обстановке не было более сил.

- Ехать на станцию — (38)
- Дать волю чувствам — (59)

13

Решающий выбор

Теперь мой боевой запал, если он когда-то и был у меня, пропал окончательно. Он против примирения. Придется стреляться.

- Ваш выстрел первый. Извольте.

Вот и он, нравственный выбор, о котором так часто и так много пишут в романах. На самом деле все ведь... все совсем по-другому. Стоит мне выстрелить в воздух, что я и намеревался сделать, как вражеская пуля тут же выпустит мне грешную кровь наружу. Но целиться, специально выбирать место, куда лучше, удобнее, приятнее(!) убить человека! Это противно! Противно природе!

Как ни старался я навести на себя хладнокровие, а именно оно, я знал, помогало выигрывать сражения, все как-то не получалось. Искусственно деланным голосом я говорил себе: «Куда лучше? В голову или в живот?» Что за гнусные мысли в моей голове! Но придется решать. Итак,

- В воздух (я не убийца!) — (6)
- В голову (зато быстро) — (64)
- В сердце (пусть помучается) — (36)

14

Пощады!..

- Уберите его! - все, что я услышал тогда.

Последнее слово автора:

Лучше бы он пристрелил меня прямо тогда. Даже жалкую поскуливающую псину пристреливают. Но нет. Он слишком милосерден, чтобы отнять у меня жизнь. Ха, жизнь! Он уже ее у меня отнял! Хотя, по правде, я сам у себя ее отнял...

Узнав о том, что произошло на дуэли Катя тут же оставила меня. Ушла, не успев собрать всех вещей. Но больше за ними не вернулась. Меня выгнали со службы. И отныне, куда бы я ни шел, за мной всегда гонялась толпа противных мальчишек, кричащих мне в спину гадости, а проходящие навстречу люди отворачивались или плевали мне под ноги.

Я думал, что сейчас люди уже забыли про честь и без нее можно прекрасно прожить. Но жизнь на моем же примере доказала мне, как же я ошибался...

15

Печаль моя светла

Я решил осмотреть то место, где мне придется умирать, или куда мне придется приезжать еще много раз. При любом исходе, это место станет значимым для меня и стоит изучить его получше. Я стоял на поляне, едва поросшей новой и сочной травой, слева было ущелье, где так свободно и бодро, никогда не останавливаясь, текла безымянная речка. Спуститься к ней никогда не представлялось возможным - расстояние до реки было более 15 метров по отвесным горным скалам. Но, говорят, один умелец спустился как-то туда, да не смог выбраться, так и умер там: от голода. Нет, река нагоняет на меня печальные мысли. Стану смотреть на горы.

За спинами противников открывался поистине величественный вид. Суровые, далекие, холодные и все же близкие и столь желанные, горы притягивали мой взгляд. Они стоят тут ведь уже не одно, не два тысячелетия. Столько печалей и радостей, смертей и рождений они видели! Сегодня к этой их коллекции добавиться или еще одна смерть или еще одна радость...Нет, и горы туда же. Хотя... наверное, просто сейчас все станет напоминать мне о такой возможной, такой близкой, и все же минуемой смерти. Все в моих руках, и прежде всего моя жизнь.

- Изучить строение пистолета — (52)
- Впериться взглядом в противника — (42)

16

А вот и кульминация

Как же приятно после долгой езды по кочкам и ямам, на каждой из которых содержимое желудка просилось наружу, вывалиться, наконец, из этой повозки и глубоко вдохнуть приятный горный воздух!

Оказалось, мы приехали к довольно популярному для пикников месту. Понятное дело, что тут народу не было - кто будет проводить пикники на рассвете! Или почти никого, если не считать четырех людей на другом конце узенькой поляны. В одном из них я тут же, даже несмотря на помутившийся рассудок, узнал своего врага.

- Быстрее, быстрее, - подталкивал меня Евгений, - негоже опаздывать, тем более на столько времени.

- Наконец-то! - слышался холодный далекий голос, в тоже время один из секундантов противника, подошедший к нам, сказал:

- Мы вас ждали. Извольте начинать. Вот вы - становитесь сюда. Ваш пистолет. Расстояние - десять шагов - было оговорено с вашим представителем вчера.

Десять шагов, почему я об этом узнаю только сейчас?! Ладно, ладно, сам знаю: надо было меньше пить и выбирать другого секунданта. И все же...

Пистолеты были стандартные, дуэльные, хотя раньше я видел их лишь издали. По весу он не очень тяжелый, но продержать его на вытянутой руке, ожидая, пока рассудок все же прояснится и будет готов прицелиться, я бы не смог. Ладно, будем полагаться на удачу.

Похоже, начинается: секунданты выстроились по бокам от нас. Противник наверняка смотрит злобно и прицеливается. Но мне все равно. Я не могу разобрать даже его лица.

- На счет три приготовьтесь стрелять! Раз! Два! Три!

Меня не нужно просить дважды. Стрелять так стрелять. Я с усилием нажал на курок.

○ Дым начал рассеиваться... — (28)

17

Молчание - золото

Сон мой был недолгим и беспокойным. Обрывки фраз и искаженные облики лиц знакомых мелькали перед моими сомкнутыми сном глазами. Наконец, меня разбудили настойчивый стук в стекло и крик моего секунданта.

«Сейчас! Сейчас выйду!»- сказал я, открыв окно. Оделся я довольно быстро. Проходя мимо Катиной комнаты, я не удержался от соблазна взглянуть на нее, возможно, в последний раз. Стоит написать ей письмо, объяснить на бумаге, почему я решился на это, сказать, как люблю ее, ну и переписать на нее все мое имение. Но вдруг я представил, как она, обливаясь слезами, всхлипывая или просто ревя в голос, станет читать это письмо, как она, так не позабыв меня, не выйдет снова замуж и проживет всю жизнь темно и безрадостно... нет! Я не позволяю ей быть несчастной! Но и не сказать нельзя...

○ Я взял бумагу и принялся писать — (61)

○ Выйдя из комнаты, я поспешил к коляске — (23)

18

Пора не пора...

- И ты оставишь меня тут одну? Без защиты и любви? – Катины глаза говорили лучше слов: она не плакала, не расстраивалась, она просто не могла поверить. Не могла поверить в то, что это я так гадко поступаю с ней сейчас, в то, что тогда, давным-давно, она выбрала именно меня, в то, что я, ее ангел и спутник, брошу ее здесь: медленно угасать, задыхаясь от ненависти жителей городка, после моего отъезда направленной именно на нее одну.

○ - Я позабочусь о тебе, обещаю. Но позже. Когда обоснуюсь в Петербурге, я вышлю тебе на билет, обещаю. — (26)

○ - Если только ты согласна делить со мной все невзгоды наших странствий... — (5)

19

Одиночество и... свобода?

Печальный и озадаченный, я вышел из кабака и прислонился к срубам избы. Я думал, думал о своем обидчике, о Кате, о чести, об этом странном обществе, где защитить себя можно лишь стреляясь. Вдруг вдалеке раздалось что-то похожее на гудок. «Что это?» - спросил я у проходящего мужика. «Знамо дело - поезд». «Какой поезд? Ах да, поезд...»

Последнее слово автора:

Весть о моем бесчестье буквально на следующее утро уже облетела весь город. Каждая шавка теперь знала и то, как позорно я избежал дуэли, и то, как пытался испортить победителю праздник. Вернувшись домой лишь вечером следующего дня, я заметил, что в комнатах стало непривычно тихо и пусто. Катя! Нет, не может быть! Только не это... Да и хотя, на что я наделся?.. Я и так попил ей достаточно кровушки, чтобы теперь, после всего, что произошло и всего, что еще будет происходить со мною в ближайшее время, она еще осталась со мной.

Шли дни, а за ними месяца и полугодья. Я также ходил в квартал, но уже не пытался, как раньше, заглянуть людям в глаза и понять, что у них на уме. Все и так было ясно. Я наперед знал, что все они будут думать. Посетителей у меня сильно поубавилось, а с ними поредел и доход. Жалкая тесная комнатка на окраине города и чашка супа в день – все, что отныне скрашивало мое существование...

20

Достойно ль?..

Хоть убейте меня, я не вспомню, откуда взялась эта орава собутыльников, почему весь стол был уставлен бутылками, стоящими прямо и скатывающимися к краям стола, и как, незаметно для самого себя, я провалился в глубокий, но тревожный, полный кошмаров сон. Поначалу мне снилось, что все из присутствующих достали вдруг сабли и принялись размахивать ими, словно воображаемый враг был повсюду; они чуть не попали по мне; а потом все прекратилось, и я провалился в забытие.

Буквально через секунду меня разбудила жуткая головная боль. Еще через мгновение я услышал звуки чьих-то голосов. Похоже, это мой Евгений ругается со своей служанкой. Из-за чего бы? Стоп! Дуэль!

Я резко открыл глаза: непривыкшие еще к свету, они отказывались фокусироваться. Тут слишком светло, неужели уже утро?

- Вставай! Ты про дуэль-то свою помнишь! Быстрее! А то опоздаем и позору потом уж точно не смуть, - слышался над моим ухом басовитый голос Евгения.

Ноги отказывались слушаться, а руки и вовсе хватались вместо штанов за занавески и пытались нацепить их на меня. Где-то через минут сорок, может меньше, я был полностью одет. Конечно, если не учитывать того, что рубашка была помята, а на рукаве красовалось ярко-красное пятно от вчерашней попойки, жилетка так и не была найдена мною среди образовавшегося хлама, а внешний вид, в особенности лицо, выдавал во мне в лучшем случае вусмерть пьяного крестьянина и уж никак не образцового адвоката, отправляющегося защищать свою честь. Как бы то ни было, скоро мы уже ехали к месту, указанному нам Миколкой, слугой Евгения, посланным вместо него общаться с секундантом враждебной стороны.

Приехали мы, значительно запоздав — (16)

21

Ждать

Я старался быть спокойным, но колени мои дрожали. Да и как не дрожать им?.. Сейчас я был просто мясом, мишенью, в которую опытному офицеру, да еще и с десяти шагов, попасть не составит особого труда.

Резкий звук. И не менее резкая боль в животе. Меня повело назад. Плавно, но верно..

Поддаться силе и сделать шаг назад — (65)

Попытаться удержать равновесие — (34)

22

И он ответит

- Хотите ответа? Что ж... Получите. Ваша попытка изменить сложившуюся ситуацию благородна, но Вам не хватает, заметьте, никогда не хватало, терпения довести дело до победного конца. Я не прощаю вас. И встретимся на дуэли. До завтра.

Возвратившись домой злым и раздраженным, не отвечая ни на какие вопросы, я лег спать. Наутро мой секундант, с которым мы договорились накануне, заехал за мной. — (23)

23

За дело!

Говорят, дуэль — это некий этап в жизни каждого уважающего себя человека. Все стрелялись. Будешь стреляться и ты. А согласия моего даже не спросили. Вернее, спросили, но что было бы, если ли б я отказался? Позор, соответствующее отношение и дурная слава необязательного человека, чьи слова не прикреплены к делу? Мне остается только гадать... Хотя, и на это времени нет.

Мы вышли на большую, но довольно узкую площадку, где не раз устраивали пикники. Тут не было не души - да и кто станет устраивать пикники на рассвете? Противник со всей своей компанией секундантов и доктором стоял на другой стороне. Мне безумно хотелось разглядеть его поближе, заглянуть в его лицо - нет ли там страха? Но в тоже время своей красотой привлекали и здешние пейзажи, воспетые еще, по-моему, Лермонтовым или Пушкиным. Но какая-то часть моего рассудка думала не о противнике, не о пейзажах, а о том, что я никогда не держал в руках пистолета... Может стоит спросить секунданта?

- Изучить строение пистолета — (52)**
- Осмотреть пейзаж — (15)**
- Впериться взглядом в противника — (42)**

24

Ложь во спасение

Я знал, что этот мой резкий уход оскорбит и напугает ее, но что я мог сделать? Остаться здесь было не в моих силах... Избегая дальнейших расспросов, я выбежал из дому и сел на первого попавшегося извозчика.

- На вокзал!

- Так темно ж уже. А поезд к городу, насколько я помню, лишь утром, - возразил мне извозчик.

- Молчи, дурак! Твое дело везти - так и вези, а не болтай... — (43)**

25

Ну сколько ждать?

- Минутку, нам с господами нужно обсудить пару деталей, - ответил один из секундантов. Ожидание невыносимо, но, видимо, придется потерпеть.

- **Последний раз просим стороны помириться. В случае отказа дуль считается начатой — (32)**

26

Свобода?

Схватив полураскрытый несложенный до конца портфель и мало заботясь о забытых вещах, я хотел подойти и обнять Катю. Но она быстро отстранилась, повернулась спиной и вышла на кухню. Я хотел начать ее утешать и извиняться, но слишком хорошо знал, что женщины в таком состоянии невосприимчивы, да и не заслуживал я этого прощения, увы, ничем. Ну что ж? Ужели долгожданная свобода? Я ведь так долго мечтал о ней... только вот представлял ее немного иначе. А теперь: и в душе будто бы дыра, из которой не переставая сквозит холодом чужих осуждений и собственных мук, и тело продувает прохладным ветром приближающейся осени... А все же, люблю этот мерзкий городишко - за два года столько всего в нем произошло...

То ли внезапно навалившиеся проблемы, то ли просто столь свойственная мне тоска по привычной жизни, окончательно привели меня к мысли, что я не хочу покидать этот милый край. По крайней мере, не так скоро.

Как раз по пути кабак – загляну, прощусь с городком — (33)

Нет, дело есть дело. Срочно на вокзал! — (8)

27

Обитель

- По правилам дуэли противники не должны видаться до начала поединка, - сурово начал Алексей Иванович. - Однако, смею предположить, что вас привело что-то важное. Проходите.

Дом, который снимал Алексей Иванович, был одним из самых больших в городке, однако, изнутри он казался маленьким и захламленным. Были тут, конечно, и вещи хозяйки, но больше всего места, что в столовой, что в гостиной, занимали шкафы. Чрезвычайно любопытно их содержимое. Помимо странных книжек с нечитаемыми названиями, которыми было заполнено без малого два шкафа в гостиной и один в прихожей, были еще различные колбы, пробирки, небольшие коробочки, на которых размашисто и крупно было написано: «Не трогать! Опасно!» (вероятно, для гостей, вроде меня). Пару раз мне показалось, что я заменил лягушачью лапку или целый ящеричный хвост. Надеюсь, это были лишь отголоски усталого сознания...

Мы вошли в довольно тесную, но уютную комнату. Пара окон, одно около стола, другое - рядом с креслом, тускло освещали комнату. Добрая ее половина была заставлена вездесущими шкафами и комодами, полными книг и каких-то приборов; слева от меня стоял длинный и широкий, аккуратно прибранный стол, на котором лежали пара стопок бумаг, чернильница с пером и микроскоп. Алексей Иванович сел за стол и принялся дописывать свою, очевидно, жутко важную работу, а мне кивнул на жесткое кресло слева от стола.

- Что привело Вас ко мне?

○ - Дело в том, что я хотел бы извиниться... — (46)

28

Хэппи-энд?

Что-то больно вонзилось в бок. Чуть ниже груди. Я ранен? Нет, этого не может быть... Я что, умру? Вот так? Просто, на дуэли, так и не причинив противнику ни малейшего вреда?.. Ноги подкашиваются. Я уже лежу на холодной земле. Глаза медленно - медленно закрываются. Неужели и, правда, конец?

29

Секундант – это профессия

Да, перво-наперво нужно узнать, что вообще делать, где стоять и как стрелять. Помню, мне было одиннадцать, и отец позвал меня на охоту, хотел научить меня стрелять, уверяя, что навык это нужный и в жизни пригодится. Я тогда отказался, сославшись или на плохое самочувствие, или на нежелание, не помню, словом, на что. Я тогда отказался — это факт. А если бы тогда я все же согласился и пошел бы с отцом, я доставил бы и ему приятное впечатление, и не чувствовал бы себя сейчас школьником, даже не пытавшимся открыть учебник. С этими мыслями я дошел до распутья.

Тут-то я и сообразил, что знакомых у меня не так уж и много, и уж точно не многие согласятся участвовать в этой аванюре. Однако, я знал пару людей, которые не откажутся. Один был франтом, известным на всю Россию игроком, педантом и истинным любимцем женщин. Кровь в нем была горячая, а желание поучаствовать в дуэли хотя бы секундантом обязательно бы решило исход в мою пользу. Другой - Владимир Иванович - человек почтенный, бывший военный, рано подавший в отставку. В вопросах чести он был не помощник, зато мог понятно и на практике объяснить, где у пистолета дуло и как из него стрелять.

- К франту! — (4)
- Владимир Иванович – вот лучший вариант — (31)

30

Вечная душа

Такого долгого и такого душевного разговора у нас не было, пожалуй, с начала нашего романа. Катя, как мудрый собеседник, не перебивала, поддерживала, подсказывала и всегда делала это правильно. Именно тогда я впервые осознал, какое сокровище я имею. Катя, эта вечная душа, любящая тебя таким, какой ты есть, помогла пережить мне тяжелые моменты и оскорбления, летящие в мой адрес.

Последнее слово автора:

Долго и счастливо

31

Старый друг...

- Владимир Иванович! Вы дома? - постучал я в окно его дома, в который не заходил уже около года.

- А кто спрашивает? А! Вижу, вижу! Заходи, голубчик. Давненько тебя не было, уж, думаю, забыл, поминай, как звали. Ан нет! Пришел-таки. Ну что, как поживаешь-то?

Я коротко описал ему ситуацию, во всевозможных эпитетах пытался выразить мое теперешнее состояние, но Владимир Иванович, будучи человеком смиренным и миролюбивым, только и делал, что предлагал мне пойти мириться с моим обидчиком. Он уверял меня, что в этом нет ничего бесчестного и что правила, которые я бы нарушил этим походом, давно устарели и сейчас личное прощение практикуется часто, в том числе и в Европе. С одной стороны, он говорил так ясно и убедительно, что ему вполне можно верить, но с другой, слишком многое останавливало меня, и первой из причин была моя неприязнь к Алексею Ивановичу.

Кто знает, может, судьба будет сегодня ко мне благосклонна и избавит меня от дуэли? Я решил попытать счастья и отправился к противнику с извинениями. — (66)

- Я не стану унижаться как последняя собака! — (49)

32

Перемирие?

Примирение считалось обязательным этапом дуэли. Правда, противники очень и очень редко соглашались мириться. Но правила есть правила.

Согласен ли я извиниться, способен ли? С одной стороны, это выглядит как унижение, но с другой, поводом для поединка служило оскорбление, за которое я уже тысячу раз готов был извиниться, это ведь просто пустяк... И все же?

- Я приношу свои искренние извинения. Я был не прав и, если вы, Алексей Иванович, сможете найти в себе силы просить меня, прошу вас: сделайте это. Эта дуэль бессмысленна. Не стоит нам драться из-за этой ерунды. — (13)

- Ни за что! Все должно пройти по правилам! Начинайте дуэль! — (13)

33

Место встречи

И вот я уже на пороге этого злачного места, построенного когда-то на руинах приходской школы. Здесь ничего не изменилось: та же стойка и столы, те же группы пьяных и шумных франтов. Не помню, как я подошел к официанту, не помню, что я спросил, помню лишь, что мрачные мысли то ли о собственной слабости, то ли о чем другом обуревали меня и завлекали в свой бесконечный круговорот. Вдруг я почувствовал, что сзади кто-то стоит и смотрит на меня в упор. Ледяной голос быстро вернул меня к жизни: - А скажите, каково это жить без чести? Каждый может обидеть, а вы даже не посмеете ответить?

Конечно, где же еще как ни здесь отмечать свой безумный триумф! Алексей Иванович никогда не отличался толерантностью, как и его вечно пьяные дружки. Быть может, если я промолчу, они от меня отстанут? Хотя и сочтут за слабака...

Это не ваше дело! И Вам никогда, НИКОГДА не понять моих душевных мучений. Вы лишены не только этих мучений, Вы лишены и души! — (57)

Промолчать — (56)

Ваши условия? — (55)

34

Равновесие

Я быстро замахал руками, пытаюсь сохранить равновесие. Невольно оглянувшись назад, я понял, что поступил правильно: буквально в метре от меня лежал огромный валун, об который так легко было расшибить голову. Но боль в боку была столь невыносимой, что я медленно опустился на землю.

Последнее слово автора:

Но мне повезло. Алексей Иванович нанял хорошего доктора.

Пришел в себя я уже дома. Все это время, а был я в забытии около недели, Катя не отходила от меня ни на шаг. Увидев, что я очнулся, она не начала ни причитать, ни ругать меня за неосторожность, как, вероятно, сделала бы любая другая... Она крепко прижалась ко мне и прошептала: «Я так боялась, что ты не очнешься...» Я почувствовал, как ее слезы стекают на мою щеку и вспомнил все, что произошло со мной. Каким же я был дураком! Как мог я быть таким легкомысленным?! Как мог думать, что все сойдет мне с рук?!.. Но все уже в прошлом. Я жив. И Катя рядом со мной. Разве может что-либо быть важнее?..

Мне потребовался месяц, чтобы прийти в себя и встать на ноги. Наконец я смог выходить из дому. И вот однажды, когда мы с Катей гуляли по городу, я разглядел, что навстречу нам шел Алексей Иванович. Я узнал его. И он, без сомнения, тоже узнал меня. Но сделал вид, что мы незнакомы. Отвернулся. Я много думал потом об этой встрече и понял, что такое не проходит бесследно. Мы навсегда теперь связаны с ним. Но об этом не стоит говорить вслух...

35

Вспомнишь солнце...

Я медленно обернулся: в дверях, слегка облокотившись на косяк, стояла Катя. Ее лицо было спокойно, и лишь глаза выдавали все, что происходило в ее душе. Что же мне с тобой делать, милая?

- Я обещал никогда не врать тебе... Что ж, слушай — (2)
- Знаешь, Катя, важные дела. Начальнику приспичило послать меня разбирать дело в деревню, ну а я не мог отказаться — (24)

36

В сердце

И откуда взялось во мне столько жестокости?.. Рука медленно, но верно поднимает пистолет, глаз прицеливается...

Прямо в сердце! Только эти слова и звенят в ушах. Выстрел.

Рассеивающийся дым, но перед этим негромкий, но различимый стон. И противник уже на коленях. Предо мной. Я ведь в меня не верили тогда. Ну и где же вы сейчас, а?

Я не стал подходить, около него и так достаточно народу. Единственный, кто мне сейчас интересен — это врач. Я подошел к нему и грубо отвел в сторону.

- Скажите, насколько сильно ранение? Он выживет? — (62)
- Если идти, то до конца. Подкупить врача. — (51)

37

По дороге бесчестья

После этих слов я вынужден был немедленно ретироваться оттуда и молить, молить судьбу не пересечься с ними когда-либо в будущем. Однако, что же теперь мне остается делать? Эти «милые» господа, его полусумасшедшие товарищи, быстро разнесут по городу новость о моем позоре. Думаю, им хватит одного часа- городок-то маленький. Что же делать теперь? Бежать?.. Да ведь поезд будет лишь следующим утром. Идти домой? Снова видеть это хоть и милое, но столь противно знакомое Катино лицо? А может просто забыться?

- Утро вечера мудренее (домой) — (44)
- И напиться, и забыться (в кабаке) — (33)
- Бежать, бежать как можно скорее из этого ужасного города (на вокзал) — (3)

38

Навсегда

Чувство обиды недаром называют сильнейшим из чувств, вызывающих какие-то внутренние изменения. Я не мог больше терпеть этого низкого, непростительного, издевательского к себе отношения. Схватив первого извозчика, я поехал к вокзалу. Спустя минут десять подошел и сам поезд. Оплатив билет и заказав чаю, я стал размышлять о том, как я устроюсь на новом месте с тремястами рублями из всего имущества...

Последнее слово автора:

Я пытался снимать комнаты у всех хоть сколько-нибудь приличных людей, но всегда получал отказ. Наконец одна дама, столь вежливо приютившая меня, поведала мне, что слух о моем бесчестье проник сюда еще даже до моего приезда и хозяева квартир просто не хотели иметь дела с таким как я, заслужившим себе звание необязательного человека, чьи слова расходятся с делом, кто может наобещать и ничего не исполнить. Я думал, надеялся, что здесь, вдалеке от нашего городка меня никто не узнает и я смогу начать новую жизнь, полную скучной, но стабильной работы, что здесь я буду совершенно новым человеком, начну жить с нового листа... Но, к сожалению, новости доходят сюда слишком быстро...

39

Лучше, чем Воронеж...

Спустя минут десять подошел и сам поезд. Оплатив билет и заказав чаю, я стал размышлять о том, как я устроюсь на новом месте с тремястами рублями из всего имущества...

Последнее слово автора:

Я пытался снимать комнаты у всех хоть сколько-нибудь приличных людей, но всегда получал отказ. Наконец одна дама, столь вежливо приютившая меня, поведала мне, что слух о моем бесчестье проник сюда еще даже до моего приезда и хозяева квартир просто не хотели иметь дела с таким как я, заслужившим себе звание необязательного человека, чьи слова расходятся с делом, кто может наобещать и ничего не исполнить. Я думал, надеялся, что здесь, вдалеке от нашего городка меня никто не узнает и я смогу начать новую жизнь, полную скучной, но стабильной работы, что здесь я буду совершенно новым человеком, начну жить с нового листа... Но, к сожалению, новости доходят сюда слишком быстро...

40

Как в сказке

Я резко подошел и начал целовать ее в самые губы. Поначалу она сопротивлялась, но потом, видно решив сама с собою, что именно этого она и ждала от меня, поддалась.

Последнее слово автора:

Примиренные и счастливые, мы впустили тучную даму обратно в купе, а сами вышли любоваться заоконными пейзажами. Я крепко обнимал Катю за талию, а она прижималась ко мне всем телом, словно чувствуя себя в безопасности. Прибыв в Питер, мы без труда нашли дом моих родителей, почивших, как оказалось, уже несколько лет тому назад. В то время мы бежали из столицы влюбленные и ветренные, не думая об обязательствах и родных, которые будут нас искать и за нас волноваться. И мы тогда делали все, чтобы нас не нашли...

Потребовалось около месяца на то, чтобы доказать, что я действительно сын своих родителей и имею право на фамильный дом и дворянский титул. Но и это время не было потрачено зря. Стоя в очередях, я узнал, что Солнцев Василий Петрович, законный муж Кати, от которого мы бежали из столицы, на празднике у императора перепил вина и приехав домой, не выдержал поднявшегося давления...

Быть может, мы и лицемерны слегка, но для нас это означало лишь то, что теперь мы наконец-то сможем законно пожениться. И Катя навсегда станет моей. Моей единственной и неповторимой. Моим лучом света.

41

Луч света

Ах, Катя! Я прекрасно, прекрасно помню наше с нею знакомство. Это было в Петербурге, на одном из модных тогда балов-маскарадов. Я был в костюме древнего купца, а она была княгиней.

Наш роман начался незаметно для нас самих; мы ревновали, ссорились, мирились, признавались друг другу в любви, все это скрываясь от мужа. Но, наконец, он стал ей просто нестерпим, я же никогда его недолюбливал; и мы бежали, сюда, на Кавказ. Здесь нас никто не знал, а мы весьма успешно выдавали себя за законных супругов.

Несмотря на годы наши чувства, хоть и не были столь страстными как во время побега, но зато и не остыли совсем. Они были как...как остывающий суп, который мы всегда ели вместе...

Катя удивительно добрая, умная и воспитанная женщина, в меру скромна и очень серьезно переживает свою измену мужу. Поначалу она и вовсе хотела пойти топиться, но я ее удержал. Теперь она относится к этому легче, но по ночам ей иногда сняться кошмары, в которых на нее показывают пальцем и называют «кокоткой»; тогда она просит обнять ее крепче и пообещать никогда не бросать. Я понял, что скрыть всю правду от человека, который, может быть, единственный в мире уважает и любит тебя, было бы неправильно.

○ Я должен все рассказать ей! — (9)

42

Так вот ты какой...

Я перевел взгляд на ту кучку людей на другой стороне поляны. Немного в стороне от секундантов и врача стоял он. Мой враг. Возможно, мой будущий убийца или же моя будущая жертва. Его лицо, как и поза, было абсолютно спокойно. Будто он находится не на дуэли, а в своей комнате перед обедом. Изредка он только осматривал окрестности и переводил взгляд на совещающихся секундантов. Весь его вид, каждый сантиметр его тела раздражал меня. Почему он так спокоен? Неужели не боится смерти? А вдруг, он просто настолько уверен в своей победе, что...

- Попытаться задеть его — (53)
- Спросить, почему не начинаем — (25)
- Промолчать — (32)

43

Чего я хочу?

До вокзала было около двадцати минут на резвой тройке, а на этой кляче да к тому же по мокрой, истинно осенней грязи я рисковал добраться за сорок минут, а то и за час. Мы ехали темной унылой дорогой; порой казалось, что не только город, где горело подозрительно мало фонарей, но и село, довольно богатое, чтоб разориться на свечи, было темно и пустынно. Взбираясь на очередной грязевой бугорок, коляска скрипела и ныла точно ребенок, которого заставляют умываться. В воздухе витала мелкая дымка, более походившая на дождик; пахло далеким костром...

- Куда это ты, барин, собрался на ночь-то глядя? - из неоткуда послышался надрывный грудной женский голос.

- А ты еще кто такая?

- Да не бойсь, не обижу. Крепостная я. Так куда путь-то держишь?

- На вокзал. В новую жизнь.

- И охота тебе там на скамеечке спать? Переночуй у меня, я тебя и покормлю, и постелю. А? Что, барин, скажешь?

- И то верно. Далеко ли твой домик? — (60)
- Нет уж, если и рвать с этой жизнью, то решительно и бесповоротно. Трогай! — (58)

44

Дом, милый дом

На душе было как никогда тяжело. Отказаться от участия в дуэли значило показать себя слабым, не способным постоять за свои слова, необязательным человеком. Человеком без чести. Не помню, как я дошел до того милого двухэтажного здания, служившего мне и Кате пристанищем уже второй год подряд.

Ах, Катя! Я прекрасно, прекрасно помню наше с нею знакомство. Это было в Петербурге, на одном из модных тогда балов-маскарадов. Я был в костюме древнего купца, а она была княгиней. Наш роман начался незаметно для нас самих; мы ревновали, ссорились, мирились, признавались друг другу в любви, все это скрываясь от мужа. Но, наконец, он стал ей просто нестерпим, я же никогда его недолюбливал; и мы бежали... Сюда. На Кавказ. Здесь нас никто не знал, а мы весьма успешно выдавали себя за законных супругов.

Несмотря на годы наши чувства, хоть и не были столь страстными как во время побега, но зато и не остыли совсем. Они были как...как остывающий суп, который мы всегда ели вместе...

Катя удивительно добрая, умная и воспитанная женщина, в меру скромна и очень серьезно переживает свою измену мужу. Поначалу она и вовсе хотела пойти топиться, но я ее удержал. Теперь она относится к этому легче, но по ночам ей иногда сняться кошмары, в которых на нее показывают пальцем и называют «кокоткой»; тогда она просит обнять ее крепче и пообещать никогда не бросать. Я не сомневался в том, что она поймет меня, но сейчас хотел остаться незамеченным.

Я осторожно пробрался через окно в свою комнату и начал собирать вещи.

○ - Куда-то собираешься? — (35)

45

Зато в столице

Накрывшись плащом и с трудом устроившись на скамейке, я проспал до утра. Меня разбудил гудок паровоза, увезшего меня далеко от позора, к светлому интеллигентному будущему.

Последнее слово автора:

В столице меня никто уже не знал и не помнил и, казалось бы, здесь я должен был найти свой вечный приют вдали от дуэлей, невыносимых связей, тяжелых нравственных выборов и прочих проблем. Здесь, в этом интеллигентном столичном городе, собрании искусства, науки, высшего света и аристократии, я должен был бы окончательно забыть о прошлой жизни и окунуться в жизнь новую, совсем иную, ничем не похожую на то существование, что я влачил прежде. И действительно, я хорошо жил, сытно обедал, весело общался, но все это время где-то глубоко внутри, словно в самых недрах души... я не мог забыть своего позора. Невидимый, он сопровождал меня везде и, как ни пытался, я не мог избавиться от него...

46

Почти мировая

- Я хотел бы извиниться перед вами. Если вы, конечно, можете найти в себе силы простить мои ужасные слова. Я понимаю, я недостоин прощения, и все же прошу о нем. Я был неправ и признаю свою ошибку, повлекшую череду непонятных, ненужных и неприятных событий. Вы можете сказать, что я лишь пытаюсь избавиться себя от необходимости стреляться. Да, это так. Я не хочу дуэлей. Это безумие! Как я вообще мог согласиться на это?! Да и неужели Вам, опытному и закаленному в боях офицеру было бы приятно застрелить такого беспомощного и немощного, не умеющего даже пистолета в руках держать штатского человека?! Прошу вас, простите меня, и разойдемся с миром. Ну, что скажете?

Он даже не повернул голову. Ни сейчас, ни пока я говорил. Мои слова его не просто не задели, ему вообще было наплевать!

Прошло около минуты. Да за это время можно десять раз придумать ответ и произнести его! Мне надоело ждать; сейчас я ему все выскажу... И все же что-то подсказывало мне, что сейчас стоит промолчать.

- Прекратите же молчать! Терпеть не могу этого Вашего молчания! Ответьте, ответьте хоть что-нибудь! — (22)

Промолчать — (48)

47

Жалкий негодяй

- Жалкий негодяй?! Сильно. Я бы вызвал вас, но - он обернулся к своим приятелям, — это бесполезно. Вы откажитесь, будете отказываться всегда, ибо лишь одно это искусство вы познали до конца. Мне неохота с Вами связываться. Уходите. По-доброму прошу: уходите.

Уйти — (38)

Остаться и отвернуться от него — (7)

48

Промолчать

- Ваша попытка изменить сложившуюся ситуацию благородна. Я почти горжусь Вашей смелостью, мне приятно, что Вы смогли преодолеть и себя, и общественное мнение и, вопреки всем сложившимся устоям, просить прощения лично. Мне сложно признать, что все это время я...недооценивал Вас... Я прощаю Вас. И освобождаю от дуэли. Наш конфликт исчерпан - сообщите об этом своим секундантам.

Последнее слово автора:

Мог ли я когда-либо догадываться, что Алексей Иванович, человек, которого я всегда недолюбливал, считал самовлюбленным и ограниченным, окажется таким милосердным?..

Оказалось, мы очень многого не знали друг о друге и на самом деле наши биографии в чем-то схожи. Да, с самого нашего с Катей прибытия в город он догадывался, что мы не муж и жена, а лишь притворяющиеся ими любовники. Возможно, он и осуждал нас, но никогда не делал этого публично, во всеуслышание. Для него незаконные связи были недопустимыми и когда он сам, по незнанию, по слепой случайности оказался в подобной ситуации, разумеется, он не хотел придавать этому огласку. И ведь никто не узнал бы - Алексей Иванович даже готов был жениться на этой женщине - если бы я не сморозил эту жуткую глупость...

Думаю, что теперь, когда внезапно мы оба осознали, что находимся по одну сторону баррикад, нам более незачем враждовать, а сегодняшнее примирение положит начало долгой и искренней дружбе...

49

Я не стану унижаться!

- В таком случае, мне больше нечего тебе сказать, - ответил Владимир Иванович, и я отправился домой, к Кате.

○ **Дома — (17)**

50

Язык проглотил

Мне было не трудно держать себя в руках. Годы службы у самых различных начальников: начиная с орущих и мечущих и оканчивая сладострастными подхалимами. Со всеми ними, как, впрочем, и с разбуянившимся народом нужно уметь промолчать. Не думал, что это качество окажет мне такую услугу. Я робко обернулся на Алексея Ивановича и его компанию. Они словно присмирели, отвернулись к стене и не обращали на меня никого внимания, обсуждали какие-то последние военные новости. Выпив положенный этикетом штоф, я медленно направился к выходу. Никто не заметил моего ухода.

○ **Может, это и к лучшему?.. — (19)**

51

Любой ценой

- Мы с Вами, доктор, умные люди. И мы понимаем, что он не жилец. Даже если вы спасете его, в чем я сомневаюсь, он не то, что не отблагодарит вас, он и не вспомнит Вашего имени. Нужно ли вам это? - начал я вкрадчивым голосом.

- С Вами я согласиться не могу, и ценность человеческой жизни для меня была, есть и будет выше ценности ассигнаций. Ступайте прочь, презренный убийца!

52

Ликбез

- Простите, извините, - обратился я к секунданту, - Вы мне не поможете? Понимаете, дело в том, что я не умею стрелять и вообще пистолет вижу почти что впервые, не считая тех раз, когда я глядел на них в магазине за стеклом и то сразу же отходил от них. Помогите, прошу вас! Как из них стрелять?

То ли мои слова, то ли мой несчастный вид, то ли врожденное желание помочь ближнему, одним словом, что-то заставило его помочь мне. Он довольно долго объяснял мне, что есть спусковой аппарат и куда кладется патрон, но я, к своему стыду, мало что понял. Лишь когда он отошел, оставив мне один из пистолетов, я присмотрелся к нему и начал что-то понимать.

Вот эта, красиво расписанная какими-то восточными узорами деревянная часть, она так, для красоты. Мне понадобятся только дуло и курок, благо его я смог найти довольно быстро. Ну что ж, это уже не полная безграмотность, но и не полная уверенность. Буду надеяться на удачу.

○ - **Последний раз просим стороны помириться. В случае отказа дуэль считается начатой — (32)**

53

Попытаться задеть его

- Интересно, долго ли будет плакать по вашей смерти ваша новая пассия? - спросил я нарочито громко и развязно и стал выжидать. Молчание. Ноль эмоций. Да ему откровенно плевать! Ну, ничего, скоро все решится.

○ - **Долго еще прикажете ждать? — (25)**

54

Бездействие

- Я так и знала, - медленно, проговаривая каждое слово, сказала Катя. - Прощай!

Последнее слово автора:

Она сошла в ближайшем маленьком городке, и как я ни пытался ее образумить, все шло без толку. Она просто перестала разговаривать со мной.

В Питер я приехал один. Не без труда вернул себе свое бывшее имущество, вступил в право наследования и вскоре зажил, как и должен жить настоящий питерский аристократ: медленно, жирно и лениво. У всех моих знакомых была хоть какая-то цель в жизни. У них были дети. А я? Разве мог я полюбить кого-то кроме Кати? Разве не было бы это оскорблением и ее, и себя, своих собственных чувств – жениться по расчету? Но и найти ее тоже было невозможно. Вероятно, Катя сразу же сменила поезд и уехала далеко. В неизвестность. Оставляя позади свою старую жизнь. И меня, безвольного, но продолжавшего любить ее...

55

По дороге чести

Не знаю, что руководило мной и заставило произнести эти слова. Однако я согласился и пути назад уже нет. Как глупа, как бессмысленна и беспощадна эта дуэль! Сколько жизней она унесла и теперь добралась и до моей. Хотя, в этом есть и положительные стороны: если выживу, не станут плевать в спину и оскорблять прилюдно. Черт! Ведь я даже не знаю правил!

- Отправиться на поиски секундантов, спросить у них — (29)
- Пойти домой и рассказать все Кате — (41)
- В кабаке, убью время — (10)

56

Молчание – знак...

- Ну же, не стесняйтесь! Мы все внимательно слушаем!

Ясно, решил поиздеваться. Стоит ли возразить ему? Не будет ли это опасно, особенно сейчас, когда за его спиной шайка здоровых офицеров, а за моей - лишь годы унижений?

- Вы лишь жалкий негодяй! Хотите упиваться своею властью и славой?! Пожалуйста! Но, прошу, подальше от меня! — (47)
- Продолжать молчать — (50)

57

Это не ваше дело!

- Вы слышали, господа? У меня нет души! А у нашего общего друга - писмовыводителя душа, значит, есть...

Со всех сторон послышался смех. Этим полупьяным дуракам только дай повод - все обсмеют!

- Скажите... Скажите, а у вас - смех не давал ему сказать очередную колкость, - у вас душа есть?

Последние его слова потонули в дружном хохоте. Извольте прекратить смеяться! - что есть силы завопил я, но это похоже только более их раздухарило.

Остаться и отвернуться от них — (12)

Выйти из трактира — (38)

58

Пристанище одиноких

После получаса мучений (а езда по сельским дорогам едва ли не мучение) я выбрался, наконец, на вокзал. Оказалось, что поезд на Петербург действительно будет только утром, но есть рейс до Воронежа, города провинциального, но богатого. Честно говоря, сидеть на промокшей насквозь лавочке до утра желания особенного не было, но начинать новую жизнь в Воронеже едва ли представлялось достойным меня.

Уж лучше в Воронеж, чем здесь — (39)

Ну уж нет! Я – аристократ, и мое место в столичном Петербурге — (45)

59

Не держи в себе

Все произошедшее со мною за этот день предстало сейчас с особой силой: и ссора с Алексеем Ивановичем, и объяснения с Катей, и этот позорный инцидент в трактире - все слилось воедино. Я чувствовал, как слезы подступают к горлу, знал, что расплакаться сейчас было бы сильнейшим признанием собственной слабости, но я решил не сдерживаться и разревелся как ребенок. Здесь меня все равно никто не увидит.

Последнее слово автора:

Весть о моем бесчестии буквально на следующее утро уже облетела весь город. Каждая шавка теперь знала и то, как позорно я избежал дуэли, и то, как пытался испортить победителю праздник. Вернувшись домой лишь вечером следующего дня, я заметил, что в комнатах стало непривычно тихо и пусто. Катя! Нет, не может быть! Только не это... Да и хотя, на что я наделся?.. Я и так попил ей достаточно кровушки, чтобы теперь, после всего, что произошло и всего, что еще будет происходить со мною в ближайшее время, она еще осталась со мной.

Шли дни, а за ними месяца и полугодья. Я также ходил в квартал, но уже не пытался, как раньше, заглянуть людям в глаза и понять, что у них на уме. Все и так было ясно. Я наперед знал, что все они будут думать. Посетителей у меня сильно поубавилось, а с ними поредел и доход. Жалкая тесная комнатуха на окраине города и чашка супа в день – все, что отныне скрашивало мое существование...

60

Бабки они такие...

Надо признать, ужин был истинно славным; бабка оказалась кухаркой, о которой я мог только мечтать, ежедневно глотая безвкусные супы своего старого повара. Да... бабка была не промах: она и спела, и сплясала, и постелила мне исправно - две перины и теплое одеялко...

Но особенной прелестью обладала отнюдь не бабка, а ее милая внучка. Несчастное дитя, в младенчестве оставшееся сиротой и не видевшее никого кроме бабки, пусть и задорной, но однообразной, к своим неполным шестнадцати расцвело не хуже богемной розы. Скромна, работяща, чиста как в одежде, так и в душе, юная Маша запала мне в душу...

Последнее слово автора:

Вместе мы пережили и смерть Агафьи Ивановны, и неурожаи, и засухи. Но Маша всегда верила в лучшее, и ее вера передавалась мне в трудные моменты. Мы отстроили дом, завели скотину и скоро, незаметно даже для самих себя, полюбили друг друга и вскоре поженились. С тех пор я ни разу не жалел о своей утраченной чести, да и до чести ли, когда у тебя уже новый урожай пшеницы зреет?..

61

Письмо любви

«Дорогая Катя,

Ты всегда была ко мне добра и снисходительна и, надеюсь, ты сможешь меня понять и просить. Прости меня, Катя, за все что было. Если выживу - не вспоминай более об этом, ежели нет- не плачь долго да выходи за другого. И знай, что мне твое счастье - превыше всего на свете.

В случае своей смерти все мое имение я завещаю тебе, Екатерине Федоровне Солнцевой.

Спасибо тебе, Катя. За все спасибо...»

Спешно написав письмо и не дав чернилам до конца просохнуть, я положил его на край стола и поспешил к коляске.

Наконец мы подъехали к месту дуэли... — (23)

62

Ваше благородие

- Ранение очень серьезное, словно вы специально целились прямо в сердце. Его придется отвезти в город, там я смогу сказать уж наверняка.

Последнее слово автора:

Доктор оказался настоящим профессионалом. Алексей Иванович выжил, но еще более месяца не мог встать с кровати. Я ни разу не зашел к нему, да и зачем? Дуэль есть дуэль и ее правила не обязывают меня заботиться о последующей жизни пострадавшего. Тем более, что он, едва встав на ноги, навсегда покинул наш город.

Катя, узнав все произошедшее на дуэли, объявила, что не может остаться со мной. Назвала меня бессердечным хладнокровным убийцей. Дура! Победителей не судят. Пусть убирается теперь куда глаза глядят. Мне до нее больше нет дела. Ни до нее, ни до всех этих косых взглядов мне больше нет дела. Прав здесь лишь один. И это я...

63

Домой

Выйдя с выбранным офицером из трактира и обсудив все детали предстоящей дуэли, я направился домой. Проходя сени, я заметил свет из Катиной комнаты. Быть может, стоит сказать ей обо всем? Я не смог удержаться от зевка. Ноги подкашиваются. Как-никак, завтра мне нужно быть в полной боевой готовности, а тратить время на ненужный пересказ своего дня?

- Катя! Ты дома? — (41)

Я тихо прошмыгнул мимо ее спальни и улегся в свою мягонькую кроватку — (17)

64

В голову

Я пытался прицелиться, но рука дрожала от волнения. Едва сосредоточившись, я нажал на курок...

Он все еще на ногах. Значит, я промахнулся...

Ну, вот и все. Конец! Сейчас он убьет меня и вся моя жизнь, вся моя жизнь, ставшая мне теперь дороже всего на свете, пропадет пропадом и никто, никто обо мне больше не вспомнит. А может, все же есть шанс сохранить себе жизнь?..

Ждать — (21)

- Прошу Вас, не убивайте меня! Что Вам с моей смерти?! – кричал я, стоя на коленях перед недавним врагом. — (14)

65

Шаг назад

Поддавшись неведомой силе, я сделал шаг назад и споткнулся о камень под ногой. Небо вдруг стало таким близким, а к боли в животе добавилась еще и внезапная боль в затылке. Глаза медленно закрывались. Последнее, что они успели увидеть — это взволнованное лицо Алексея Ивановича, говорящего что-то. Неужели что-то важное?..

66

И снова здравствуйте

Считанные шаги отделяли меня от дома Алексея Ивановича. Я прекрасно понимал, что просто так он меня не простит, потребует искренних извинений, возможно даже унижений, и все же что-то (жажда справедливости или то непонятное мне с самого детства чувство, что ты обидел человека и не знаешь его реакции) толкало меня все ближе и ближе к дому врага.

Подойдя к самой двери, я постучал. Через несколько секунд послышались шаги и дверь слегка отворилась... — (27)